

О феноменологических проблемах восприятия единичной сущности

Любовь Павловна Илиева, Станимир Димитров Илиев

В изучении процесса восприятия предметов обыденной жизни и объектов в целом существуют серьезные проблемы как в рамках моделей конкретных наук так и в философии. Примером того, насколько глобальной и определяющей для развития познания - и конкретных наук и философии является проблема восприятия объектов, служит развитие физики в начале XX века, когда наблюдался эффект "исчезновения материи" вследствие того, что развитие естественных наук (физики в первую очередь) привело к изменению представления об эмпирическом объекте, которое не вписывалось в рамки существовавших в то время философских и методологических систем. Это привело к осознанию необходимости анализа процесса восприятия объектов во взаимосвязи физического и психического, эта связь физического и психического при изучении восприятия объектов в силу бытующей философской традиции в западной философии оказалась слабо исследованной.

Древнегреческая философия, ставшая основой развития западно-европейской философской традиции, создала несколько философских моделей на базе формирования метапонятий по отношению к объектам обыденной жизни и конструкций из них. И несмотря на то, что познавательная структура возникала через создание метапонятийных структур, проблематика восприятия предметов осталась на периферии. Даже сейчас факт восприятия привычных для нас предметов, например, стола, карандаша, кажется нам очевидным, и мы с трудом допускаем мысль о существовании действительной, а не спекулятивной проблематики, связанной с актом их восприятия. Несмотря на это, еще в эпоху становления древнегреческой философии стало ясно, что философские структуры парадоксально рефлектируют по отношению к выработанному представлению об объектах обыденной жизни. Так, например, парадоксы Зенона, связанные с движением какого бы то ни было предмета, раскрыли противоречия, существующие в понятийном пространстве, описывающем статику и динамику объектов. Возникли парадоксы, связанные с отсутствием однозначных пространственных и временных инвариантов объектов в используемом понятийном пространстве. Например, определив понятие "река", мы выделяем объект различный в разные моменты времени. Подобен этому парадокс, связанный с нечеткостью, размытостью границ объектов, определяемых по отношению к произвольной конечной системе характеристик в произвольный фиксированный момент времени. Несмотря на это, конечно, практически каждый человек в состоянии сформировать представление о "реке" и о предметах обыденной жизни. Однако указанные парадоксы не решены в рамках современных моделей описания процессов восприятия.

Указанные особенности выделения объектов в универсуме, проявляются по отношению к познавательной структуре, использующей аристотелеву логическую традицию, которой свойственно полное отделение познавательного компонента, частью которого является акт восприятия от логической структуры. Чтобы стать элементом логики, объект как таковой должен уже быть воспринятым. Проблемы, связанные с бытийностью, с самим

существованием объекта остались вне сферы логического исследования. Поэтому европейская логическая традиция не учитывает отношения между физическим и психическим не только при определении истинности логической конструкции, но и при определении объекта логики.

Механицизм, доминирующий в научном познании до начала XX века, который основывался на рассмотрении сложного как совокупности элементарных "кирпичиков", привел к доминированию частей над целостностью при моделировании процесса восприятия. Направление исследования восприятия было задано еще Декартом, который в 1638 препарировал глаз быка, нацелил его на реальный пейзаж и исследовал перевернутое изображение этого пейзажа, спроецированное на заднюю стенку препарированного глаза. Вследствие такого опыта часто возникало искушение предположить, что восприятие, в сущности, представляет собой именно такой процесс: мы каким-то образом видим свои сетчаточные изображения и в результате этого получаем косвенным образом информацию о происходящем вокруг нас.

Так вопрос о восприятии свелся к вопросу о том, как из этого двумерного сетчатого образа может быть создано представление о предмете, соответствующее его характеристикам из повседневной жизни. В целом этот подход, основывающийся на идее конструирования целого по его отдельным частям, доминирует и в настоящее время. Независимо от того, что в науке развились модели, позволяющие конструировать целостности, такие как голограммы, солитонные решения, синергетические модели, проблема моделирования процесса восприятия остается чрезвычайно сложной.

Замечательно, что в результате развития моделирования процесса обработки исходной информации с использованием указанных новых методик проявилась специфика феноменологии восприятия. Так, выделение объектов по отношению к исходной информации имеет условный, а не абсолютный характер, это показывает, что при восприятии объектов обыденной жизни, которое в целом проявляется как устойчивое и однозначное, фигурирует и субъективный компонент. Так, основоположник когнитивной психологии У. Найссер [*У. Найссер Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981. 300 с.*], занимаясь исследованиями восприятия, спустя, более чем десять лет исследований с учетом результатов теории информации и разработок в области искусственного интеллекта, пришел к выводу, что информация, запечатленная сетчаткой глаза как двумерный образ, не достаточна для реконструирования реальных свойств воспринимаемого предмета. Согласно Найссеру в процессе восприятия кроме потока света нужно учитывать специфические когнитивные структуры, которыми, как он полагает, наделен субъект восприятия. Когнитивные структуры как раз "смыывают" эффект релятивистичности при структурировании объектов в "пространстве световой информации". Эти структуры как бы "маркируют" те множества световой информации, которые нужно рассматривать как целостности, что определяет и их отделимость как объектов.

Обобщая этот вывод Найссера на уровне логических структур, можно сказать, что понятийные компоненты и характеристики не достаточны для однозначного выделения объекта в универсуме. Можно предположить, что существует некое феноменологическое ядро, определяющее бытийность предмета. Это феноменологическое ядро определяет целостность, единичность предмета, существование его как некоторого единства. Можно

определить целый ряд характеристик этого феномена без уточнения, что лежит в его основе - физическое или психическое.

Подход, при котором, объектам, - а мы можем говорить только о воспринятых объектах, т.е. об объектах, связанных в акте их восприятия. - приписываются эти характеристики, не нов.

Западная философская традиция не отрицает онтологическое существование "единств", но предполагает, что акт их постижения является "мистичным" или интуитивным. В некоторых концепциях "сущностное" считается трансцендентным. Если мы ограничимся анализом объектов повседневной жизни, то тогда в соответствии с этим предположением следует, что акт восприятия, например, стола или карандаша является мистичным или интуитивным. Однако, мы предполагаем, что мы все достаточно хорошо воспринимаем эти объекты, и что, же - значит, хорошо воспринимаем, согласно указанным теориям, мистическое, интуитивное или трансцендентное.

Ряд направлений восточной философии также описывает феноменологическое существование "единств" и разрабатывает методы их постижения. В индийской философии логика не отделяется от проблематики, связанной с описанием восприятия предметов обыденной жизни.

Так в логике Дхармакирти (8 век), которая не отделена, как это имеет место в западной традиции, от теории познания, объект восприятия есть единичная сущность [Ф. И. Щербатской Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1. Учебник логики Дхармакирти с толкованием на него Дхармоттары. СПб., 1903-1909., тезис 12]. Согласно концепции Дхармакирти, действительно существуют только такие (единичные) сущности [Ф. И. Щербатской Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1. Учебник логики Дхармакирти с толкованием на него Дхармоттары. СПб., 1903-1909., тезис 14]. Объект восприятия постулируется как единичная сущность (см. [Ф. И. Щербатской Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1. Учебник логики Дхармакирти с толкованием на него Дхармоттары. СПб., 1903-1909.]). Единичная сущность, согласно комментарию Дхармоттары, - это та сторона (объекта), содержание или сущность которой состоит из него самого и не имеет ничего общего (с другими). Это означает, что каждый воспринятый объект имеет свою индивидуальную сущность. Именно индивидуальная сущность определяет онтологию его бытия и связана с его восприятием. Единичная сущность не принимается как некий материальный субстрат. Таким образом восприятие объекта не сводится однозначно к восприятию всех его физических свойств и характеристик. Направление внимания на предмет, согласно Дхармакирти, является элементом акта его восприятия. Указанные характеристики позволяют определить возможность восприятия объекта так, чтобы для этого не было необходимо усвоение физических его характеристик. В связи с чем Дхармакирти определяет в качестве одной разновидности (чувственного) восприятия восприятие как познание йогина, (которое он называет восприятие его внутренним чувством) объекта, действительно существующего, (в сосредоточенное размышление о котором он погружен) [Ф. И. Щербатской Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1. Учебник логики Дхармакирти с толкованием на него Дхармоттары. СПб., 1903-1909., тезис 11]. Кульминационная точка, как поясняет Дхармоттары, есть та точка, начиная с которой, познание, состоящее в представлении предмета размышления, становится ясным. Т.е. если в процессе глубокого размышления внимание сосредоточить таким образом, чтобы объект

размышления открывался ясно, то результатом этого будет восприятие индивидуальной сущности, что означает, что воспринят объект.

Замечание 1: Рассмотренная модель восприятия определяет возможность опосредованного восприятия объекта через процесс глубокого размышления о другом объекте, связанном с тем, который является целью восприятия. В процессе размышления настрой на ясное раскрытие единичной сущности объекта, являющегося целью восприятия. Подобный тип восприятия практикуется большим числом экстрасенсов (на основе фотографии, почерка, вещества, находящегося в соприкосновении с объектом восприятия, через точное указание места и часа рождения человека, если он является объектом восприятия).

Другой пример наличия непонятных характеристик предметов мы находим в "алмазной праджняпарамите-сутре" [*Алмазная праджняпарамита-сутра* В кн. *Психологические аспекты буддизма. - Новосибирск, Наука, 1986, 53-64 с.*], одной из основных сутр дзен буддизма. В ней мы читаем следующую беседу: "как ты думаешь, можно ли распознать Так Приходящего (Будду) по всему видимому облику?" - "О нет, Превосходнейший в мире. Не следует распознать Так Приходящего по всему его видимому облику. - И по какой причине? Так приходящий проповедовал обо всем его видимом облике как о не всем его видимом облике. Поэтому его и именуют его видимым обликом". Подобно этому Приходящий проповедовал о "совокупности всех признаков", что они не являются "совокупностью всех признаков" и это он называет "совокупностью всех признаков", о "телесном образе", что он не есть телесный образ - и это он называет "телесным образом", о "тридцати двух телесных признаках" он проповедовал, что они не есть "тридцать два признака" - это и называет "тридцатью двумя признаками". Подобным образом определяются характеристики любого другого конкретного объекта. Сутра формирует механизм, если говорить в контексте европейской традиции, посредством которого определяется сторона объекта, отличающаяся от его понятийных характеристик, но определяющая бытийность объекта и его глубинную сущность.

Независимо от того, что в двух примерах восточной философии представления об "индивидуальной сущности" используются относительно одни и те же предметы повседневной жизни, так же как и в западной философии, категориальные пространства обеих традиций не дают возможности включить представления об этих категориях в западную философскую систему. Рассмотрим возможность включения понятия "единичная сущность" объекта в западную культурную традицию.

Европейская традиция связывает восприятие объекта с его понятийным восприятием, частью которого являются его понятийные компоненты и характеристики. По отношению к доминирующим в наше время представлениям они являются осознаваемой стороной объекта, некоторые философские системы их отождествляют с объектом. Множество свойств и характеристик объекта проявляется по отношению к множеству уже воспринятых объектов.

Так или иначе, воспринимая объекты, мы усваиваем их наличные феноменальные характеристики. Парадоксы, о которых шла речь, связаны с отсутствием однозначных пространственных и временных инвариантов объектов. Результаты исследований когнитивной психологии дают основания предположить, что понятийные характеристики

не являются достаточными для однозначного восприятия объекта. В данное время, с одной стороны, доминируют релятивистические представления о структуризации объектов, а с другой, - мы видим, что в объектах существуют феноменологические ядра, определяющие их однозначность при восприятии. Это означает, что параллельно с релятивистической (и понятийной) стороной восприятия объекта, мы воспринимаем в процессе восприятия объекта характеристику, связанную с их целостностью, единичностью, их единством, и это восприятие на данном этапе бессознательно.

Если соотнести понятие единичности с пространственно-временными характеристиками понятийных свойств объекта, можно увидеть, что по отношению к этим характеристикам "единичность" является интегральной - и для характеристики времени, и для характеристики пространства. Это значит, что воспринимая объект, мы осуществляем интегрирование пространства и времени. В этом новом пространстве "единичностей" временной континуум не имеет свойств одномерности и непрерывности. Восприятие "единичности" нельзя связать с конкретной временной точкой принятого "физического" времени. Ситуация аналогична и для временного сравнения восприятия до - и - после при восприятии двух "единичностей". Настолько, насколько при формировании представлений о физическом времени исходят из исследования материальных объектов, то в физике, с одной стороны, потенциально заложена специфика "времени единичностей", а с другой - "физическое время" является надстроечным и смоделированным по отношению к ним.

Замечание 2: Рассмотренное таким образом представление о непонятийном, определенное как феномен единичной сущности объекта, следуя традиции восточной философии, мы можем связать с понятием "Прана". Это можно сделать, если иметь в виду, с одной стороны, что характеристики "единичного", определенные таким образом, роднят это понятие с представлениями восточной философии о запредельном, а с другой стороны -, необходимо иметь в виду, что в ранних Упанишадах, где впервые употребляется понятие "Прана", это понятие было использовано именно для обозначения "Запредельного" (подробнее об этом см. [Б. Л. Смирнов *Послесловие к Махабхарата VII, часть 2. Аишхабад, АН ТССР, 1981.*]). То, что в этот термин в дальнейшем вкладывалось множество других смысловых нагрузок, показывает, на наш взгляд, проявление первоначально определенную характеристику праны как "запредельного" на различных познавательных плоскостях. Так в более поздних периодах термин прана использовался как "дыхание", как жизненный принцип, как элемент мира феноменов, отличный от материи. Проводятся многочисленные аналогии праны с мировой душой, жизненным духом. Соединяясь с манасом (манас - это ум в широком смысле, охватывающий все ментальные проявления: интеллект, способность понимания, восприятие, чувства, волю), прана образует жизненное "Я" как душу человека. В Йоге развивается техника "задержки праны". Предполагается, что при задержке дыхания ум достигает состояние абсолютного сосредоточения. Можно проследить связь между вышеопределенным йогистским представлением о восприятии с указанной здесь функцией праны. В западной культуре с представлениями о пране связываются определенные полевые и энергетические свойства. Некоторые проявления праны могут быть ассоциированы с представлениями о "биополе", "энерго-информационном поле".

Замечание 3: Указанные характеристики "пространств единичных сущностей" не должны сразу шокировать нас очевидным отличием от доминирующих в настоящее время представлений о пространственно-временном континууме. Так, например, (без проведения

прямой аналогии с материалом, анализируемым в настоящей работе) телевизионный образ, являющийся дискретной последовательностью картин, мы воспринимаем как непрерывный. Это означает, что характеристики восприятия могут отличаться от наших представлений о динамических пространственно-временных проявлениях вещей.

Замечание 4: Прана связана с "временем единичностей" и, видимо, ее проявления могут быть проанализированы по отношению к нему. По отношению к принятому "физическому времени", по существу, происходит "сжатие" и эффекты праны проявляются в интегральном виде.

Замечание 5: Усваивая единичную сущность, мы усваиваем (воспринимаем) Прану.

Для усвоения определенных "единичностей" возможно абстрактно нужно было бы провести интегрирование, по отношению к физическому времени - в интервале от момента в прошлом до момента в будущем, который еще не наступил в физическом времени. Это определяет возможности постижения единичности, аналогичные тем, которые имели место в восточной философии. Настолько, насколько "единичность" не является прямо связанной с физическим пространственно-временным континуумом, логически возможно то, что она может быть воспринята без прямой с ней связи. Например, некий "знак", "объект", имеющий связь с единичной сущностью, может привести к восприятию объекта.

Единичность не означает одномерную точку в физическом пространстве. Усваивая единичную сущность, мы воспринимаем объект, который при его раскрытии в понятийном пространстве, может обладать произвольной сложностью, многоэлементностью и т.д.. Кроме того, пространство "единичностей" описывает еще одно свойство "единичности", не являющееся прямым коррелятом разработок восточной традиции (независимо от того, что его наличие всегда осознавалось в ней). Через определенные техники, например посредством глубокого сосредоточения, на "единичные сущности можно "посмотреть" в прошлом или будущем по отношению к физическому времени.

Факт, что, мы, с одной стороны, определили проявление "единичности" как бессознательный компонент восприятия, а с другой - реализуем исследование его и моделируем его пространство, не является противоречием. Методика моделирования бессознательного, в том числе и коллективного бессознательного также основывается на изучении осознанных его проявлений. Как пишет Юнг, "существование чего-либо в нашей душе признается только в том случае, если в ней присутствуют так или иначе осознаваемые содержания. Мы можем говорить о бессознательном лишь в той мере, в какой способны удостовериться в наличии таких содержаний. [К. Г. Юнг *Об архетипах коллективного бессознательного. ВФ, N 1, 1988, с. 133 - 150., 134]*".

Рациональным или реальным компонентом является "единичность"? Предложенная схема анализа инвариантна по отношению того, является ли "единичность" рационалистическим или реалистичным компонентом познавательного процесса. По всякой вероятности, подобно понятийным характеристикам вещей "единичность" связана с их "физическими" компонентами. Угол, под которым мы рассматриваем процесс восприятия, не позволяет полностью отделить "рациональное" от "реального". Это особенность настоящего состояния познавательного процесса, в чем проявляется двойственность или метафизическая

неоднозначность современного научного познания, опирающегося как на опыт, так и на разум. В настоящий момент научный организм является иерархической структурой, элементы которой раскрываются на базе их функциональной связи с целой системой элементов и структур. При анализе современной науки проявляется функциональная структура эмпирического: эмпирическое включает в себя и теоретическое, а научная реальность является искусственной реальностью. Это показывает, что объекты восприятия должны рассматриваться как теоретические объекты в функциональной физико-психической структуре.

Понятийные характеристики не являются независимыми от "единичности" предмета (вещи). Однако между ними нельзя установить однозначно обратимое соответствие. Если бы это было возможно, то тогда можно было однозначно определить объект через его понятийные характеристики. Понятия и "единичности" не являются абсолютно независимыми. В известной степени, как это было упомянуто выше, понятия формируются по отношению к определенной базе воспринятых объектов. Если не учитывать онтологию "единичностей", то мы попадем в порочный круг представлений об объектах, бытующих в современной методологии, так как, предмет, со своей стороны осознается через его понятийные характеристики. По отношению к определенной нами категории "единичности" категория "понятие" также связана с интегрированием пространства и времени, но если в первом случае интегрирование было локальным, то во втором оно имеет глобальный характер. С другой стороны, понятия могут быть определены и как классы эквивалентности в пространстве единичных сущностей при суммировании времени. Видно, что существует феноменологическая связь между двумя категориями. Ряд характеристик категории "понятие" уже заложены в феноменологии восприятия предметов. Развитие цивилизации успело сократить дистанцию между пространством предметов и пространством понятий через развитие пространства знаков, являющегося промежуточным для этих двух указанных выше пространств и имеющих прямую связь с каждым из них. Мантры, йероглифы, алхимические знаки, являются, на наш взгляд, примерами таких знаковых пространств, чем определяется их онтологическая сущность. Возможно, что элементы подобных пространств являются частями религиозных символов. Возможно также, что попытки поисков числовых соответствий различного рода предметам и явлениям, проводимые пифагорейцами и Лейбницем, также являются опытами подобного характера. Знаки в таком виде не являются произвольными условными релятивистическими элементами. Они должны осуществлять онтологическую связь с "единичностями". Именно поэтому мы подчеркивали их связь с культурой, с формами освоения (и усвоения) мира.

Замечание 6: Согласно замечанию 5, воспринимая единичную сущность, мы воспринимаем прану. Так как знак прямо связан с единичностью, то воспринимая знак, мы воспринимаем прану. Что означает восприятие (усвоение) знака? Усвоение знака не означает его визуализирование, так как при этом не активизируется связь знака и единичности, с которой он связан. Процесс глубокого сосредотачивания на "знаке" феноменологически подобен процессу сосредотачивания на "единичной сущности". Таким способом, а возможно он не единственный, учитывая определения "единичной сущности" и "понятия" возможно через раскрытие "знака" усвоение праны, коррелирующей всем единичностям, связанным с данным знаком. Учитывая энергетические характеристики праны, (возможно, вероятно так и произошло исторически) установить соответствие между "единичностями" и "знаками", если критерием является энергетический уровень связи двух указанных пространств.

Различные элементы пространства знаков могут быть определены через их энергетические проявления по отношению к пране.

Так, например, мы установили, что крест, свастика и обратная свастика обладают качественно различными свойствами по отношению к пране. Это дает основания для более общего исследования связи между множеством топологически разнообразных пространственных форм и пространством знаков. Так как, как это установил Луи Пастер, живое и неживое обладают различной пространственной асимметрией, возможно, что феноменология этого факта заложена в проявлениях относительно праны различных топологических пространственных форм.